

Мастерская

ВАРИАЦИИ
НА ТЕМУ ТАЛАНТА

— Его творчество мажорно! — говорит об очередной работе Валерия Алексеева старая театралка. — Он оптимист, и нам дает заряд бодрости.

— Азартно играет! У него замечательная пластика. Она выражает внутреннюю сущность человека. Мы все так считаем! — «Мы» — это клуб «Галерея», объединивший старшенклассников.

— Алексеев — актер будущего синтетического театра. Это наш омский Аркадий Райкин, только в молодости. Хотелось бы почаще видеть его на телеэкране, да и кино не грешно бы его заметить. А представьте: Алексеев по радио читает рассказы Ильфа и Петрова или Зошченко... Да я бы все свои дела побросал... — Мой собеседник — шофер, смотрит все премьерные спектакли театра драмы.

— Еще года три назад он играл на всех капустинниках в Доме актера. И это было здорово — весело, ярко, необычно! А сейчас что-то не вижу. То ли повзрослел, то ли времени у него нет! — недоумевает заслуженный артист, пенсионер.

— Конечно редкий тип актера, — уверенно заявляет омский критик. — Но что скрывать? Есть штампы. Колюня в спектакле «Обсуждению подлежит» напоминает прежних его героев. Роль не выписана, вот он и копирует, пытается ее вытянуть. В повторах на пятьдесят процентов виновна режиссура. Навязали Алексееву ампулу номика и пародиста, а ведь он может быть и участником серьезной драмы. Помните, как сложно мотивировал он повседне Лота в «Царствии земном» Уильямса, какой интересной характерностью пользовался — речевой, пластической. Золотоволосый ангел на самом деле оказывался маньяком, расистом... Да и другие работы можно припомнить.

— Пожалуй, что бы он ни играл, — классическую роль или современную, — он показывает человека, которого мы знаем. Лу Мартин в спектакле «Вверх по лестнице, ведущей вниз» похож на моего приятеля. Сганарель в «Лекаре поневоле», в первых сценах, — на тех, кого по воскресеньям увидишь у пивного ларька. Но если бы Алексеев показывал нам разных людей и только, он оставался бы копиистом, не больше. А он предлагает свое понимание жизни. — Так считает недавний выпускник университета, математик.

Эти суждения не литературная выдумка, а абсолютная реальность. Я не стремилась прогнозировать мнения зрителей, они рождались спонтанно. Алексеев — актер, который будоражит, волнует, тревожит публику, вызывает поток мыслей и ассоциаций.

«Зритель идет в театр прежде всего зреть», — говорил своим ученикам Михоэлс. Прекрасно понимая это, Алексеев в уплотненный короткий промежуток времени, соединяя «внешне несоединимое», крайне обостряет средства актерской выразитель-

ности и достигает максимума воздействия. Даже если бы мы нарочно хотели забыть его давние работы, у нас бы это не получилось. Пользуясь образно-философской пластикой (а техническое умение у него редчайшее), Алексеев управляет нашим воображением, задерживает на себе мысль зрителя, активизирует восприятие.

Те, давние, роли... Саша Абрамян в комедии «Похожий на льва» Ибрагимбекова — чистенькое, благонамеренное существо в очках. Прямотаи вздох волновался он всю сцену, в которой его видели зрители. Волновался, ибо втайне завидовал своему другу и сам желал бы испытать и грех, и любовь, и счастье, да слишком тревожился за собственный покой и благополучие. Абрамян переступал с ноги на ногу, руки его трепетали и падали, вновь взмывали — и замирали. Человек-птица — вот как увидел его Алексеев, а за ним — и мы. Дали ей крылья, но не репнится она выпорхнуть из клетки — слишком робка...

Вспоминаю... Съездившись, выглядывая, кто может дать на выпивку, появлялся Вова-Никитин, в прошлом — классный крановщик, в настоящем — безвольный, донельзя опустившийся человек («Спроси самого себя»). Вряд ли в драматургии крохотного бокаревского образа заложено было то, что сделал актер. В спектакле Никитин понимал степень своего падения и ждал чуда: вдруг кто-то явится, спасет? Несбывшаяся человеческая судьба, ее драматизм отзывался в нас болью.

Спустя тринадцать лет я узнала об истоках той чужой боли, которую во вводе-дебюте на омской сцене Алексеев ощутил как свою собственную. «На заводе, где работал отец, видел таких людей, потерявших себя и брошенных. Жалел их, помочь им никто не пытался, напротив, либо безразличие к ним было, либо странный, неестественный интерес, как к местным комиком: рюмку поднесут, помянут, подтолкнут дальше, к бездне».

Актерская профессия предполагает восприятие чужой судьбы как собственной. Искусство возникает от боли, от душевной смуты, от желания поведать о самом сокровенном.

Почему мы так сострадали

Кузьме из распутинских «Денег для Марии»? Вначале Кузьма довольно спокойно относился к своей задаче — добыть деньги, как к новой, неизвестной для него, но и не слишком страшной работе. Неудачи да черствость людская все больше сутулили его, в глазах застыла обида и недоумение, а потом он, человек мягкий и легко ранимый, ломался...

Почему мы чувствовали, что душа Паши из драмы Вампилова «Прошлым летом

в Чулимске» кровоточит — рубцы, полученные в детстве, оставили след навсегда? Почему понимали: другой Паши — из шукинских «Бесед при ясной душе» — смешной и трогательный, простодушный и наивный, желающий покрасоваться своей самостоятельностью, нес в своей душе обездоленность, чувство вины и грусть, и тягу к необыкновенному, возвышенному, к идеалу?

Запись из рабочей тетради: «Знал тех, кто уехал из села, но помнил свою «малую родину», втайне тосковал о ней, а в городе не чувствовал себя хозяином и, неприкаянный, метался от одного человека к другому, пытаясь отыскать смысл жизни, обрести душевную гармонию».

Синтез современного содержания и яркой формы. Далеко не всегда он оказывался достижим: актер зависим и от назначения на роли, и от драматургического материала, и от решения спектакля. Не раз режиссура, пользуясь даром импровизатора, активностью Алексеева, бросала его заполнять драматургические пустоты. Монтаж концертных номеров заменял естественное развитие

образа. Зритель радовался актерской виртуозности, хотя успех Валерия носил скорее эстрадный характер: сценический образ требует диалектического действенного раздвигания.

Алексеев, конечно, понимает, когда его лишают твердой опоры — психологической правды — и возникает опасность повторений. Скажем, спектакль «Обсуждению подлежит» Косенкова, «Из пяти листов текста четыре — газетная информация, которую Колюня примеряет на социальные проблемы. Говорю драматургу: если бы эта информация, неточно воспринимаясь, столь же неточно воспроизводилась, это дало бы немедленный эффект. Колюня действовал бы невпопад, хотя с лучшими намерениями. А тут он начинает добиваться своего, вдруг антракт: становится неоправданно пассивным, затем вновь включается в жизнь, искусственно, на моих нервах... Что такое правда характеров? Репетируешь Вампилова или Распутина, роль — в тебе, и внезапно слышишь о том же, что тебя возмущает или, напротив, греет, на улице, читая в газете. Играл в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся» Гельмана. Кто такой Леня Шиндин? Вроде балагур, «шестерка», а по сути — боец, знающий, чего хочет, с активной гражданской позицией. Да, он нарушает все «этические нормы», но борется за справедливость, за добро. И — меняется, развивается». (Из рабочей тетради).

Пойдите, посмотрите сейчас «Лекаря поневоле». Сганарель — центр спектакля, его нерв, смысл. Пожалуй, ни одна работа Алексеева не демонстрировала такую блестящую техническую вооруженность, темперамент, глубину и лиризм творчества, как эта.

Насколько актуальна мольеровская сатира в наши дни! Вначале — пьянство, дикое, желание в пьяном виде философствовать, хотя язык не слушается, тупой взгляд, механистические движения, бессмысленная привычка к работе — не человек, скорее, злая, горькая сатира на него. А открываются возможности — и какое море желаний, смысленности пробуждается! Воольность и легкость в общении невероятная, внешний доск, подобие «благородных» манер. Жизнь — игра!

Все дозволено! В какой-то миг фигура жутковатая (точнее, именно тогда, когда Сганарель осознал собственную безнаказанность) Но вот встреча со смертью, виновником которой является он, «лекарь поневоле», «Нет, дальше, дальше, не останавливаться!» — уже не Арлекин, а он, Сганарель, гонит круг, желая лишь одного — не думать.

Каждый момент в этом спектакле достоин описания, пробуждение человека играет актер и осознание цены жизни. Сдержанное становится фееричным остроумнейших режиссерских и актерских находок, отточенность внешних приемов словно уходит на второй план, потому что цель уже более высокая. «Я хочу жить!» — кричит Сганарель, прикрученный к колонне, и такая мука, такая боль в его голосе... Вглядываясь в Мартину, пойдет ей навстречу в финале Сганарель, словно открывая новую страницу собственной жизни.

От этого отчета, когда актеру оказалось практически все доступно, очень трудно идти вперед, но он работает, идет и... ждет. Ждет поступка от режиссуры. Удостоенный звания заслуженного артиста РСФСР, он вспоминает свою жизнь, учебу в иркутском училище, работу в театре имени Охлопкова, дружбу с Вампиловым, те, первые вампиловские спектакли и «Старший сын» и «Прощание в июне», которые в начале семидесятых поразили и артистов, и зрителей новой степенью правды (омичи впервые и увидели Алексеева на гастролях иркутян в ролях Сильвы и Колесова).

У него были проходные и средние работы. В неудавшемся театру спектакле «Преступление и наказание», в первой на омской сцене крупной роли Раскольников, ему, вероятно, не хватило ни духовного опыта, ни физических сил. Он скорее играл сюжет, чем проникал в философию сложнейшего романа. Интересно, как бы сыграл Алексеев сегодня роль подобного масштаба?

Капустинки, вечера в Доме актера... Есть у него, кроме спектаклей, забота — молодежный театр миниатюр при Межсоюзном клубе студентов. И когда этот коллектив, лауреат премии Омского комсомола, выступает в Доме актера, зрителей в два раза больше, чем вмещает зал. И порою некоторые из них ошибаются, считая: играют профессионалы. А теперь послушаем Павла Янкевича, инженера, одного из ведущих артистов Алексеева:

— Он более ответствен, чем все мы, коллектив держится им. С 1979 года мы с ним вместе. С нежностью и к нему относимся, любим его, уважаем. Все, что происходит у нас, воспринимают очень лично, во всем идет навстречу. Если поднять его библиотечный формуляр, в нем — книги, сборники юмористов всех времен и народов. У нас нет своего помещения, трудностей немало, но главное существует — к театру относимся серьезно, спектакли ставим не ради смеха. Это — тоже талант, его руку в спектакле чувствует каждый.

Вот так и живет Валерий Алексеев — в реальных заботах, тревогах и надеждах. Актер, волнующий публику.

С. ЯНЕСКАЯ.
НА СНИМКЕ: актер Академического театра драмы В. Алексеев.

Фото Е. Тюменцева.